

УДК: 891.5

DOI: 10.24044/sph.2017.2.9

ПРОБЛЕМА ХРОНОТОПА В РОМАНЕ МУХАММАД-КАЗЕМА МАЗИНАНИ
«ПОСЛЕДНИЙ ПАДИШАХ»

С. Р. Сотиболдиева

Кандидат филологический наук, доцент
Ташкентский государственный
институт востоковедения
г. Ташкент, Узбекистан

THE ISSUE OF CHRONOTOPE IN THE NOVEL «THE LAST KING»
BY MUHAMMAD KAZIM MAZINONIY

S. R. Sotiboldieva

Candidate of Pedagogical Sciences
assistant professor
Tashkent State Institute of Oriental studies
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article discusses the novel "Shohi bi shin" («The last King», 2012) by Muhammad Kazim Mazinoniy, an Iranian writer. The novel describes the last days of the King Reza Pahlavi's life, the last representative of the Kodjor dynasty. The main goal is to express our thoughts about artistic skills and specific style of the author, as well as to specify the value of the aesthetic and ideological value of the novel through the revealing the issues of chronotope. This historical-biographical novel, covering the global time period, in the widespread range expresses the heroes' life course that has played a crucial role in the country's history and destiny of the nation. The artistic skills of the writer who created the magnificent paintings of that global period can serve as the subject of careful research.

Keywords: "Shohi bi shin"; King Reza Pahlavi; novel; chronotope; M. M. Baxtin; historical-biographical novel; (period of) time; space; symbol; picture of epoch.

Сюжет исторического романа иранского поэта и литератора Мухаммада Казема Мазинани «Шохи би шин» («Последний падишах» 2012) основан на событиях конца жизни последнего представителя династии Каджаров Реза шаха Пехлеви.

С первых же дней выхода в свет роман привлек к себе особое внимание общественности. В частности, в 2012 году в 9-ом выпуске журнала «Иностранная литература» был опубликован русский перевод романа, осуществленный А. Андрюшкиным. Интернет запестрил разными, порою диаметрально противоположными мнениями по поводу содержания романа, роли и статусе Реза шаха Пехлеви в политическом мире. Конечно же, рассмотрение этих точек зрения очень важно в изучении творчества писателя. Однако, главной нашей целью мы выбрали художественное

мастерство литератора как творческой личности и, в частности, проблему хронотопа, имеющую важное значение в технике написания романа. Вместе с этим попытаемся посредством рассмотрения вопросов хронотопа раскрыть критерии художественности, являющиеся основополагающими в словесном творчестве, своеобразный стиль и мастерство писателя, идейно-художественную и эстетическую ценность произведения.

Как известно, понятие хронотопа, в основном связанное с естествознанием, переводится с греческого языка как *chronos* – время и *topos* – место. В литературоведении одним из первых этот термин применил М. М. Бахтин [1]. Под термином хронотоп понимаются взаимоотношения между художественным пространством и временем или, говоря иначе,

пространственно-временные взаимосвязи в рамках художественного произведения. Нас интересует именно эта сторона данного понятия. И здесь не вызывает сомнения то, что вопрос хронотопа тесно связан с изучением тематики и основной идеи, сюжета и композиции произведения. Так как сюжет художественного произведения и его составляющие проявляются и находят своё отражение в художественном пространстве и времени. Ибо для каждого происходящего события необходимо своё пространство и определенное время (эпоха)». Особенно, когда речь идет об историческом романе, возникает ряд вопросов, напрямую связанных с решением проблемы хронотопа в произведении: аспекты взаимосвязей художественной действительности с реальностью, соотношение исторической и литературной истины, процесс метаморфоз и превращения реальных предметов в символы.

Причина выбора нами именно историко-биографического романа заключается в том, что этот роман охватывает глобальный, с точки зрения времени, период, а также широкий диапазон жизненного пути персонажей, их решающую роль и значимость в истории страны и судьбе народа. Конечно же, особого внимания требует и мастерство писателя в создании художественной картины этого глобального периода. Другая сторона вопроса заключается в том, что каким бы не был исторический персонаж, писатель подходит к его личности творчески, согласно своему замыслу и определенным субъективно-объективным причинам «шлифует» биографию данной личности, доводя её до уровня художественно-литературного образа.

Роман Мохаммада Реза шаха начинается с реалистического описания процесса хирургической операции. В памяти прошедшего в себя после операции шаха оживают картины самых черных дней его жизни: он вынужден покинуть сначала дворец, а затем его изгоняют с родины. События повествуются так, будто отрыв-

ки из жизни Мохаммада Реза шаха показываются со стороны ему же самому. Хронологию протекающих в одном ритме событий неожиданно прерывает внезапная послеоперационная боль шаха и описание ухода девушки-медсестры. В романе Мазинани используется традиционный способ описания – в памяти шаха, умирающего от неизлечимой болезни (рака), в хронологическом порядке оживают картины его жизни. Однако, *ключевым моментом* в стиле писателя является то, после каждого исторического факта появляется обращение к шаху и его жене Фарах, которые ведутся иногда от имени самого Реза шаха, а иногда от имени автора. С первого взгляда кажущиеся *лирическими отступлениями*, эти обращения, на самом деле, постепенно создают сюжетную линию романа. Ещё одна особенность заключается в том, что посредством таких обращений, с одной стороны, повествуются события в жизни Реза шаха и его семьи, а с другой стороны, сведения из личной биографии самого автора. Следует отметить, что в архитектонике историко-биографических романов такой вид повествования встречается впервые. В подтверждение приведем следующий отрывок: «Ах, мой венценосный отец! Как же счастлив был ты – поскольку не зависел так сильно, как я, от того, что называют сердцем; не зависел даже и в тот день, когда влез на тутовое дерево, чтобы наполнить подол моей матери ягодами...» [2, с. 30] или «Ах, мой венценосный отец! Моя судьба определилась в эти самые десять дней, а потом еще раз – в те же первые десять дней января, но уже 1979 года... Видишь, какая игра судьбы?!» [2, с. 59].

Существуют определенные критерии в определении статуса произведения, как «исторического». Историческое произведение объединяет в своей художественной структуре историческое повествование, научную биографию и некие черты документальной прозы. Выбор автором определенной исторической личности, скон-

центрированность основного сюжета и композиционных линий вокруг этой личности, художественное (творческое) решение вопроса героя и времени, их сложных взаимоотношений – всё это является главным обоснованием в придании произведению статуса «историко-биографического».

На первый взгляд, кажется, что основную сюжетную линию романа «Последний падишах» составляет описание жизни Мохаммад Резы шаха с момента его рождения и до последних дней. Однако, прочитав роман, становится очевидным, что писатель расставляет акценты на параллельной, сопутствующей главной, сюжетной линии – отношения Мохаммад Резы и его сестры, Мохаммад Резы и отца, Мохаммад Резы и матери, Мохаммад Резы и его жен, Мохаммад Резы и придворных слуг. Именно в этих описаниях раскрывается «истинные» отношения в семье шаха: неумелое правление и хаос, царивший во дворце, аморальность и разврат, социальное неравенство и несправедливость. Кажущиеся набросками эти мимоходные штрихи несут огромную, не побоимся сказать, основную смысловую нагрузку. И вот на этом фоне образ Мохаммада Резы Пехлеви находит своё воплощение в качестве центральной фигуры, объединяющей в себе все сюжетные линии, которые раскрывают причины падения династии Пехлеви.

С точки зрения пространства все события происходят главным образом в двух пространственных измерениях: в роскошном дворце шаха и в палате египетской больницы. «Дворец» шаха имеет противоположные друг другу интерпретации. С одной стороны, дворец описывается как родина, место проживания шаха и его семьи, утопающее подобно раю в великолепии и роскоши, а, с другой стороны, это обитель зла, интриг и козней. Это также место, где главной интригой дня является рождение наследника престола и мучающий всех вопрос – кто же займет трон, бесконечные споры и перепалки со-

перниц, сплетни и тайные заговоры, пиршества и бесконечные застолья, полные изобилия и расточительства, дворцовую живность, привезенных из-зарубежа – кошек и собак кормят отборными кормами, тогда как на улице царят голод и нищета, изнеженные, капризные дамы утопают в золоте и драгоценностях, а блеск хрустальной и фарфоровой посуды ослепляет взор, втоптана в грязь честь невинных девственниц, принесенная в жертву животным чувствам и страсти, а для утех и развлечений крепкие юноши кастрированы и превращены в шутов.

Больничная палата описывается в необычном ракурсе «закрытого пространства», больше похожего на тюрьму или место отбывания наказания, или же тихое местечко, специально созданное для того, чтобы пересмотреть свой пройденный жизненный путь и допущенные ошибки: *«...И опять ты остался один, и с тобой лишь окно, и птицы за ним, и железная кровать, и эта больница, коридоры которой покрыты коврами, для тишины»* [2, с. 22]. Дворец и больница – какими бы разными она не казались, оба они представляют собой закрытое пространство. Только в одном – жизнь кипит, а в другом – правит тишина. Многократно упоминаемый в романе Нил – это символ очищения, чистоты, смывающий вину и уносящий с течением всё плохое, воскрешающий в памяти счастливые дни и пробуждающий чувства, символ простора и свободы. Здесь же упоминание окна как символа закрытости и ограничения свободы: *«...Из окна в палату проник прохладный ветерок и принес с собой запах Нила... О Нил-река! Остановись на миг, поверни назад! Прошу тебя, верни ту минуту, когда... Когда мы с Фаузией шли вдоль твоего берега?.. Нет... Ту минуту, когда жена-египтянка забеременела?.. Нет! Чуть раньше! Да, тот самый миг, когда Фаузия в Мраморном дворце сидела перед зеркалом и расчесывала каштановые волосы. Какой зловещий день! Твоя*

египтянка еще не была беременна, но для страны твоей время уже было чревато грозными со бытиями...» [2, с. 17] Значит, для героя Нил – это символ силы, способной вернуть время вспять и оживить сладкие воспоминания.

Итак, пространство, изображаемое в романе, имеет две стороны. Одно из них, как было упомянуто выше, место, где происходят основные события, непосредственно связанные с жизнью главного героя – шаха и обыкновенного человека (дворец и больница), второе же – отражение эпохи, социальной жизни и жизни самого писателя, средство передачи размышлений о ценностях, жизни и смерти. Следует отметить, что множество упоминаемых в романе мест, связанных с бытовой жизнью, не просто здания, сооружения и учреждения, а одно из важных средств, раскрывающих мысли, образ жизни и занятия людей. Вот в каком образе предстаёт перед нами баня: «...Каждое женское тело — домашняя тайна, которую в общественной бане перестают скрывать. Синие следы ночных отношений. Беременности желанные и нежеланные. Правильное и неправильное питание. Роды одни за другими. Следы от старых ран. Бородавки греха и родинки судьбы... Она (Шахрибану – С. С.) оглядывается по сторонам. Баня пустеет; большинство народу уже разошлось. Только две женщины в бассейне, и одна, сидя на лавке, моется мочалкой. Ни крика, ни шума. Женская баня, а такая тишина!словно кладбищенская. Где же те болтушки и хохотушки? Где сплетницы и юмористки? Где знаменитое женское злословие? Пересуды о мертвых и живых, о беременных и пороженных? О том, чей муж неспособен, а чей деловит? Вон та луна четырнадцатой ночи, поднимающаяся из бассейна, кто она? А вон то солнышко ясное, чьи прекрасные локоны потеряли уже цвет и нуждаются в порции хны — из какого она квартала?..» [2, с. 19].

В это небольшом отрывке краткие фразы, метафоры и сравнения словно зарисовки к судьбе иранской женщины. Но только вдумчивый читатель увидит этими сравнениями настоящую судьбу иранской женщины, её ежедневные мысли и хлопоты, социальное положение в обществе. В реальности баня, говоря простым языком, место для умывания и очищения, но как художественное пространство – это средство в описании женской фигуры, скрытой за черной чадрой (вуалью).

Описываемые в произведении египетские пирамиды предстают перед читателем не только как памятники, посещаемые туристами, но и как воплощение философских мыслей писателя о жизни и смерти: «...Это утро словно уже бывало не раз и опять повторяется... Видишь пирамиды? Тысячи лет они упрямо стоят здесь, держа на плечах груз времени. Грандиозные сооружения, лишённые жизни, — они для того и построены, чтобы охранять смерть. Фараоны поместили в них свои мумифицированные тела, и это была насмешка над смертью, а может быть, вечное передразнивание смерти. Потому-то с пирамидами не дружат ни птицы, ни цветы, ни деревья...» [2, с. 22].

Таким образом, время в романе полностью теряет границы и измерение. В таких рамках писатель имеет возможность детально описать интересующий его исторический период. Исходя из своего творческого замысла, он может описываемое пространство расширить до «размеров земного шара» или, наоборот, сжать до рамок одной маленькой комнаты. Главная и важная особенность художественного пространства и времени заключается в том, что отражение пространства и времени имеет свое эстетическое содержание и конкретную цель.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. Мазинани М. Последний падишах / перевод с фарси А. Андрюшкина // Иностранная литература. – № 9. – М., 2012.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin M. M. Jepos i roman // Voprosy literatury i jestetiki. – M., 1975.
2. Mazinani M. Poslednij padishah / perevod s farski A. Andrjushkina // Inostrannaja literatura. – № 9. – M., 2012.

© Сотиболдиева С. Р., 2017.